

Квадрифолий в планировке османских мечетей

В статье рассматривается формирование плана-квадрифолия в османской мусульманской архитектуре. Именно такая планировка, соответствовавшая ренессансным поискам идеального культового здания, стала основой для дальнейшего развития композиции «большой османской мечети», активно используемой и в современной мусульманской архитектуре, в том числе в проектах, реализуемых на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: османская культовая архитектура, мечеть, планировка, купольная конструкция, план-квадрифолий, тетраконх, Синан.

KONONENKO E. I.

QUADRIFOLIA IN THE LAYOUT OF THE OTTOMAN MOSQUES

The article discusses the formation of a plan quadrifolia in Ottoman Muslim architecture. It was this layout that corresponded to the Renaissance search for the ideal religious building became the basis for further development, that became the basis for the further development of the composition of «the Great Ottoman mosque», which was actively used in modern Muslim architecture, including in projects implemented on the territory of the Russian Federation.

Keywords: Ottoman religious architecture, mosque, layout, dome design, plan quadrifolia, tetracones, Sinan.

Кононенко
Евгений
Иванович

кандидат искусствоведения, зав. сектором искусства стран Азии и Африки Государственного института искусствознания

e-mail:
j_kononenko@inbox.ru

Введение

Представление о «турецкой мечети» как особом региональном типе исламского культового сооружения прочно ассоциируется с архитектурным образом центрально-купольного здания с двором перед молитвенным залом и парными минаретами [1, 227–233]. Подобная композиция, связываемая исключительно с монаршим заказом, поэтапно сформировалась вскоре после завоевания османами Константинополя (1453) и обрела законченную форму в стамбульской мечети Баязида II (1500–1506). После небольшой паузы, потребовавшейся для разработки «балдахинной» системы, основанной на каркасе из опорных столбов, пристенных контрфорсов и соединяющих их подпружных арок [2, 350–351], османские придворные мастера смогли продолжить эксперименты, целью которых было предельное освобождение интерьера от несущих элементов и создание огромного молитвенного зала, перекрытого куполом.

В середине XVI в. в работах выдающегося зодчего Синана предложены сразу несколько вариантов развития планировки и композиции особой архитектурной модели, определяемой как «большая османская мечеть» [3, 110–114]. Наиболее ранним и, как показала практика, наиболее востребованным (вплоть до XXI в.) оказался вариант планировки молитвенного зала, основанный на квадрифолии — вписанном в квадрат кресте со скругленными рукавами, —

образуемом проекцией четырех опорных полукуполов центрального купола.

В научной литературе использование плана-квадрифолия в османском зодчестве проанализировано М. Килем применительно к мечети в Афинах — небольшому «провинциальному» памятнику третьей четверти XVII в., и автора интересовали в первую очередь синхронные аналоги, привлеченные для уточнения датировки [4]. Однако к этому моменту архитектурный тип «большой османской мечети» уже исчерпал возможности эволюции и существовал в виде реплик построек Синана.

Цель статьи — выделить варианты формирования плана-квадрифолия в османском зодчестве и проследить его использование в культовых постройках, в том числе в современной интернациональной архитектуре, использующей образ «большой османской мечети».

Мечеть Шехзаде как идеальное культовое здание

Первым примером использования плана-квадрифолия применительно к архитектуре «большой османской мечети» явилась Шехзаде-джами (1543–1548), возведенная Синаном по прямому заказу Сулеймана Великолепного на Третьем холме Стамбула. Композиция этого здания рассматривается как достижение симметрии по двум осям и логическое завершение эволюции центрально-купольных мечетей. А. Куран, создатель типологии османской ар-

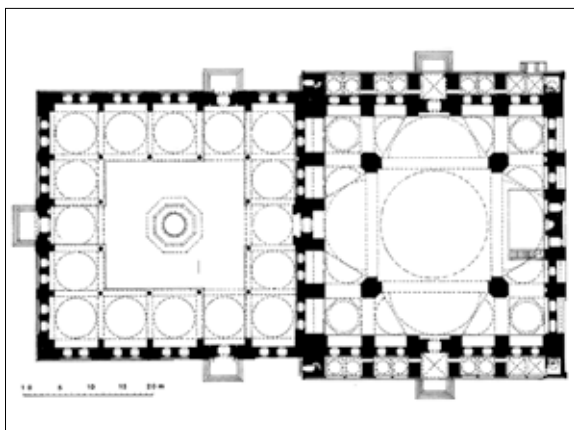

Иллюстрация 1. Мечеть Шехзаде, Стамбул. План. По [10]

хитектуры, отнес подобные здания к особому подтипу композиции сооружений, зал которых объединяет различные планировочные ячейки (multi-unit mosque with dissimilar units), и именно мечеть Шехзаде была представлена как «воплощение идеального здания» [5, 160, 196–198, 211].

Особое место Шехзаде-джами в эволюции «большой османской мечети» определяется композицией ее основного объема. Зал перекрыт куполом диаметром 18,42 м, распор которого передается на четыре полукупола чуть меньшего размера, — именно их проекция создает лепестки планировочного квадрифолия (Иллюстрации 1, 2). Такая композиция заставила отказаться от привычного для раннеосманской архитектуры выделения боковых нефов и акцентирования «вектора ислама» — оси от северного (центрального) входа в молитвенный зал до михрабной ниши (индикатора направления на Мекку) [6, 69–71]. Архитектурный объем мечети ориентирован не по одной, а по двум осям, пересекающимся точно под зенитом купола, воспроизводя четкий планировочный крест и позволяя как предельно освободить интерьер, так и перенести боковые проходы в центральные секции восточной и западной стен. Средством для этого шага стало дробление модульной сетки плана здания — не 16, как раньше, а 25 квадратов, 21 из которых приходится на расширенное рукавами квадрифолия подкупольное пространство [7, 260].

В одних исследованиях план-квадрифолий мечети Шехзаде, вырванной из контекста эволюции османской мечети, описывается как оригинальное достижение мастерской Синана [8, 84–87]; в других работах это решение представлено лишь как простое совмещение двух моделей византийского храма, своеобразный «разворот» архитектурного тела храма Св. Софии Константинопольской [9, 38].

Однако появление конструкции «большой османской мечети» с четырьмя полукуполами было предопределено всем развитием этого типа здания с момента, когда в первой же султанской культовой постройке «обретенного» османами Стамбула — Фатих-джами (1463–1470) — появился один полукупол над расширенной михрабной ячейкой [5, 192–193; 10, 121–122] (Иллюстрация 3, а). Введение на «оси ислама» полукупола, принявшего распор огромного 26-метрового центрального купола и в полтора раза увеличившего подкупольное пространство, даже современникам было расценено как освоение конструкции храма Св. Софии: хронист XV в. Турсунбей в «Книге Завоевателя» отмечал, что Фатих-джами построена по подобию Айя-Софии, но в соответствии с новейшей строительной практикой [11, 70].

Иллюстрация 2. Мечеть Шехзаде, Стамбул. Вид с северо-запада. Фото Ю. Вурмаза. 2014 г.

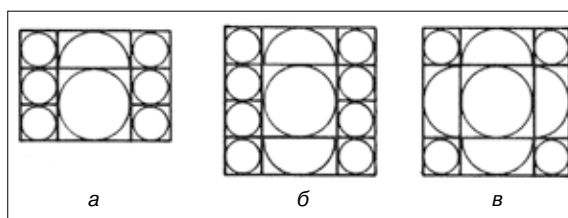

Иллюстрация 3. Расположение полукуполов в стамбульских «больших османских мечетях» XV–XVI вв.: а — Фатих; б — Баязид; в — Шехзаде. По [15]

Неудивительно, что грандиозный византийский храм стал ориентиром для последующих османских сооружений, на столетие предопределил направление эволюции стамбульской архитектуры и стал поводом для несинхронного, но оттого не менее важного «соревнования возможностей». Турецкий исследователь Б. Озер, выделяя источники архитектурных идей для мечетей Синана, наряду с октагональными византийскими храмами (церковь Св. Сергия и Вакха, VI в.) и раннеосманскими культовыми сооружениями (Улу-джами в Бурсе и Юч Шерефели-джами в Эдирне), указал именно на Айя-Софию и мечеть Фатих [12, 146–149].

Конструктивно-планировочное достижение Фатих-джами кажется скромным, однако именно оно предопределило следующий шаг — введение второго полукупола на михрабной оси османской мечети и достижение тем самым осевой симметрии. Этот шаг сделан в мечети Баязида II, возведенной в 1500–1506 гг. на месте константинопольского форума Феодосия. Несмотря на относительно скромные размеры (диаметр купола ок. 17,5 м), архитектор Баязид-джами воспроизвел хрестоматийную конструктивную характеристику центрального нефа Св. Софии, подчеркнув «ось ислама», «составную комбинацию из более или менее отдельных и обособленных друг от друга пространственных объемов» [13, 75], расширяющую подкупольное пространство, и знаменитое плавное перетекание криволинейных перекрытий, ощущаемое более в интерьере, чем снаружи (Иллюстрация 3, б).

Появление двух полукуполов на продольной оси Баязид-джами заставляло предположить развитие этого же принципа по поперечной оси. Более того — сама модульная схема 4×4 , в которой четыре центральных ячейки занимает купол, на уровне чертежа легко позволяла объединить две внутренние ячейки на каждой стороне квадрата (своеобразный османский аналог связанной системы сводов) полукуполом [14, 82–83]. Таким образом, появление плана-квадрифолия в синановской

Шехзаде почти через полвека после возведения мечети Баязида II может быть представлено как результат объединения ячеек боковых нефов и развития симметрии полукуполов сразу по двум осям (Иллюстрация 3, в).

Следует оговорить, что использование Синаном планировочного квадрифолия оказалось в русле современных ему поисков идеального храмового здания в ренессансных проектах Альберти и Леонардо и реализованных постройках Санта-Мария-делла-Консолационе в Тоди и собора Св. Петра в Риме, хотя более далекие аналогии можно найти в реконструкциях Звартноца (сер. VII в.) [2, 345; 7, 271; 10, 216–218; 14, 84–85; 15, 261–270]. После обращения османских архитекторов к композиции Св. Софии при строительстве Фатих-джами и Баязид-джами решение плана «большой османской мечети» как квадрифолия оказалось в русле магистральных поисков симметрии объема и пространства культового здания, и постройка с четырьмя полукуполами, аналогичная Шехзаде, рано или поздно должна была появиться в стамбульской архитектуре.

«До» и «после» Шехзаде

То, что план-квадрифолий нашел применение в столичной архитектуре в рамках султанского заказа, — безусловная заслуга мастерской Синана. Однако приходится говорить о том, что эксперименты с полукуполами велись в анатолийском зодчестве и вне типологической модели «большой османской мечети».

К 1515 г. в Эльбистане на юго-востоке Анатолии перестроена сельджукская мечеть XIII в., сильно пострадавшая в ходе войны с Ираном; здание, восстановленное османскими мастерами уже как Алауддевле-бей-джами, получило центральный купол на высоком граненом барабане с контрфорсами, распор которого передается на 4 полукупола. Скругления рукавов тетраконха оказались уплощены, но центральная часть здания представляет собой полноценный квадрифолий; угловые ячейки перекрыты небольшими куполами на парапасах [16] (Иллюстрация 4).

Почти в то же время (1516–1520 гг.) в Диярбакыре построена Фатих-джами (она же Куршунлу, Бийыклы Мехмед-паша) — небольшая мечеть, перекрытая 9-метровым куполом [7, 573–574; 17, 98]. Несмотря на многочисленные перестройки и реставрации, здание с 7-пролетным фасадным портиком и пристроенными купольными помещениями для проживания дервишей сохра-

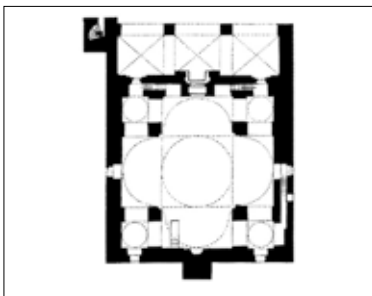

Иллюстрация 4. Мечеть Алауддевле-бей, Эльбистан. План. По [17]

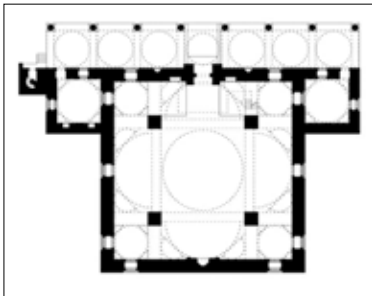

Иллюстрация 5. Мечеть Фатих, Диярбакыр. План. По [18]

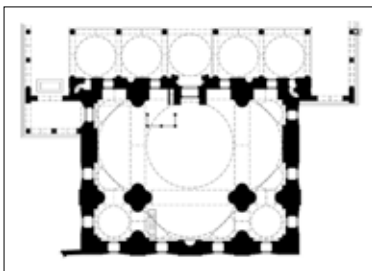

Иллюстрация 6. Мечеть Искеле, Стамбул. План. По [7]

нило планировочный квадрифолий основного объема, причем и опорные полукупола, и 4-метровые купола угловых ячеек опираются на тромпы, предвосхищающие конхи, врезанные в большие полукупола Шехзаде-джами по образцу Св. Софии (Иллюстрация 5). Следует отметить, что диаметр полукуполов оказался чуть меньше, чем измерение центрального купола; из-за скромных размеров здания каких-либо конструктивных преимуществ этот прием не дает, но через три десятилетия его аналог будет использован в мечети Синана для визуального увеличения высоты перекрытия.

Композиции разнонаправленных полукуполов использовались в ряде одновременных анатолийских и балканских построек — как мечетей, так и дервишеских обителей-*завие* и общих залов постоялых дворов (*завие* Яхши-бей в Тире, *завие* Бейлербей в Эдирне, мечети Чобан Мустафа-паша в Огузкее и Челеби Султан Мехмед в Диметокке [10, 179; 18, 377–381]),

но эти здания оказались значительно перестроены и утратили первоначальные перекрытия. В то же время упомянутые мечети в Эльбистане и Диярбакыре показывают, что уже в 1510-х гг. в архитектуре османской мечети использовалась композиция, основанная на четырех полукуполах. Вопрос о том, насколько эти памятники Восточной Анатолии были знакомы Синану, породил целую полемику, подробности которой выходят за рамки данной работы [4, 110]; укажем лишь, что полноценный квадрифолий появлялся в османской архитектуре до Синана — т. е. без очевидного влияния Айя-Софии и мечетей Фатих и Баязид. Таким образом, путь увеличения количества полукуполов, слияния перекрываемых ими ячеек и удвоения числа осей симметрии в композиции «больших османских мечетей» являлся не единственным способом привести к появлению новой архитектурной композиции.

Вне зависимости от того, были ли известны Синану мечети-тетраконхи Восточной Анатолии, вполне очевидно, что конструкция Шехзаде-джами явилась результатом собственных экспериментов мастера. Одновременно с возведением Шехзаде Синан по заказу дочери Сулеймана I строил в Ускударе на азиатском берегу Босфора мечеть Михримах Султан (она же Искеле — «на причале»; 1546–1548) [10, 212–214]. Эта мечеть должна рассматриваться как частный заказ и, хотя имеет два минарета, не соответствует типу «большой османской мечети» из-за отсутствия двора. Небольшое здание перекрыто куполом диаметром 11,4 м, поддерживаемым тремя полукуполами, в барабанах которых врезаны экседры; в люнете северной подпружной арки размещены два регистра световых проемов, а функцию контрфорсов выполняют пилоны входа (как в мечети Баязида II) и 5-пролетный фасадный портик. Если план Шехзаде-джами выглядит как развитие Баязид-джами в сторону двухосевой симметрии, то мечеть Искеле можно представить как «полукупольную версию» Фатих-джами, в которой две из трех ячеек каждого бокового нефа, примыкающие к подкупольному квадрату, перекрыты полукуполом (Иллюстрация 6).

Из-за довольно скромных для османской архитектуры XVI в. размеров и использования планировочного триконха Искеле-джами может показаться своего рода «пробой сил» Синана, уменьшенной и упрощенной моделью для важного султанского

Иллюстрация 7. Мечеть Шехзаде, Стамбул. Квадрифолий полукуполов. Фото Е. И. Кононенко. 2009 г.

Иллюстрация 8. Мечеть Султанхмет, Стамбул. Квадрифолий полукуполов. Фото Е. И. Кононенко. 2012 г.

заказа, — если бы возведение Шехзаде-джами и мечети в Ускудаде не велось синхронно. В 1540-х гг. Синан одновременно строил два здания, развивая и, пожалуй, исчерпывая конструктивные и композиционные возможности трех и четырех полукуполов в стамбульских мечетях, создавая идеальное центрическое пространство, понимание которого совпало с ренессансными поисками.

Конструкция четырех осевых полукуполов позволила Синану полностью изменить структуру интерьера мечети, вынудив отказаться от галерей боковых нефов и поднимающихся над ними люнетов подпружных арок, использованных в Баязид-джами для размещения световых проемов. О. Грабар отмечал, что применение квадрифолия доведено Синаном до логического завершения и позволило оторвать купольное перекрытие от ограничивающих внутреннее пространство стен, превратив его в балдахин, что привело к минимизации площади опор и пронизыванию стен рядами световых проемов [2, 350–351].

В «Возникновении собора» Г. Зедльмайр, разъясняя понятие «балдахинной системы», указывал, что готическая конструкция привела к появлению в европейской архитектуре четвертой системы балдахина после римской, юстиниановской и ломбардской XII в. [19, 291]. В XVI в. в «больших османских мечетях» идея балдахинной системы была полноценно реализована в очередной раз, только теперь с помощью не крестовых сводов, а полукуполов.

Конструктивные достижения Синана не являются предметом изучения данной статьи. Важно отметить, что, создав совершенно новую композицию, близкую представлениям об идеальном храме, великий зодчий счел эту архитектурную тему исчерпанной и, закончив Шехзаде-джами, никогда больше к планировочному квадрифолию не обращался [4, 118]. В двух других знаменитых «больших османских мечетях» Синан решал иные задачи: в стамбульской Сулеймание-джами (1550–1557) применил балдахинную систему для воспроизведения конструкции и нефной композиции Айя-Софии, а в Селимие в Эдирне (1569–1574) совместил балдахинную систему с планировочным октагоном [7, 277–312; 10, 215–239, 261–270]. Однако эти намеченные великим архитектором векторы развития не нашли продолжения — добавить что-либо к достигнутому архитектурному совершенству следующим поколениям османских зодчих было нечего, а превзойти размеры построек Синана не позволяли технические средства.

Однако конструктивные и композиционные находки позднего периода творчества Синана были применены его последователями в рамках планировки мечетей-квадрифолиев. В 1609–1617 гг. была возведена Султанхмет-джами, в которой накопленные за 60 лет после Шехза-

де новации османской архитектуры были применены для развития пространственной композиции, основанной на четырех полукуполах, поддерживающих купол диаметром уже 23,5 м, и способной визуальнo конкурировать со стоящей напротив Айя-Софией [7, 361–369; 10, 343–349] (Иллюстрации 7, 8). Статус и местоположение этой постройки, оказавшейся последней «большой османской мечетью», носящей имя царственного патрона, предопределили закрепление плана-квадрифолия в «официальных» культовых ансамблях, и более чем полувековой стамбульский «долгострой» — мечеть Йени в Эминоню (1597–1664) — был завершен именно в виде полукупольного тетраконха [7, 370–378]. Восприятие такой планировки уже не как одного из вариантов, но именно как норматива, соответствующего особому значению культовых сооружений, проявилось в «востановлении» разрушенной землетрясением 1766 г. мечети Фатих (1463–1470, 1767–1771) в виде составленного из полукуполов квадрифолия [7, 538–540].

Закрепление плана-квадрифолия в культовой архитектуре совпало с исчезновением «большой османской мечети» — сокращение расходов, плотность застройки Стамбула и последовательные попытки «евроинтеграции» культуры Османской империи привели к вытеснению этого архитектурного типа сравнительно небольшими мечетями, интерьер которых перекрывался единственным куполом на парусах и насыщался барочной и классицистической декорацией. Однако именно рассматриваемая композиция была воспринята как индикатор «османского присутствия» как в европейских, так и в восточных владениях султаната, что подтверждают, например, исследованная М. Килем афинская мечеть [4] и каирская мечеть Мухаммеда Али (1830–1848), откровенно уподобленная султанскому заказу и отражавшая претензии египетского наместника на династическую власть [20]. К концу XIX в. приоритеты индустриального и гражданского развития оттеснили культовую архитектуру на периферию строительной практики, а после кемалистской революции 1918–1923 гг. возведение мечетей оказалось вне государственного патроната [21, 155–157].

Мечети-квадрифолии в интернациональной архитектуре

«Возвращение мечети» в турецкую архитектуру стало возможно после Второй мировой войны, и поиск образов для нового этапа привел к обращению к «большой османской мечети», воспринятой как национальный визуальный бренд. Главными ориентирами «османизирующей неоклассики» стали композиции, основанные на полукуполах: таковой оказался, например, трифолий

Иллюстрация 9. Мечеть Коджатепе, Анкара. Вид с юго-запада. Фото Е. И. Кононенко. 2014 г.

Иллюстрация 12. Мечеть имени Султана Делимханова, Джалка, Чечня. Вид с юга. Фото И. Мамедова. 2015 г.

Иллюстрация 13. Соборная мечеть, Симферополь. Конкурсный проект. Фото с сайта: http://news.sevas.com/region-crimea/crimea/zakladka_fundamenta_sobornoj_mecheti_v_simferopole_22_aprelya_2017

Иллюстрация 10. Мечеть Чамлыджа, Стамбул. Вид с севера. Фото Е. И. Кононенко. 2018 г.

Иллюстрация 11. Мечеть Аль-Нур, Шарджа, ОАЭ. Вид с юга. Фото Е. Рухадзе. 2015 г.

мечети Шишли (1949) и вновь и вновь воспроизводимые «классические» квадрифолии Коджатепе-джами в Анкаре (1967–1987), Абдулхамид-джами в Караманмараше (1993–2011), Оздилек-джами в Конье (2005) [22, 266] (Иллюстрация 9). Несмотря на постоянную критику неоосманской подражательности со стороны поборников современной архитектуры, план-квадрифолий и основанная на нем композиция полукуполов, трактуемая как соответствующая государственной риторике приверженность традициям, воспроизводится в строящихся университетских мечетях в Бурсе и Конье, Улу-джами в Анталии, Искорен в Измире, Эркаклю в Батмане, Кулунчак в Малатье. В азиатской части Стамбула на холме Чамлыджа завершается возведение огромной реплики мечети Султанахмет, уже прозванной оппозицией «Эрдогание-джами» (Иллюстрация 10).

Отмечая активность использования турками архитектурного наследия Синана, С. М. Червонная отметила: «Сегодня и в самой Турции, и в более широком тюрко-исламском ареале <...> существуют десятки подобных “Синанов” в городах, где Синан никогда не бывал, в копиях, которые Синану не делают чести» [22, 268]. На волне активизации мусульманского культового строительства на рубеже XX–XXI вв. распространение именно «османизирующих» архитектурных наработок оказалось связано не только с многочисленностью турецких диаспор, но и с грамотным продвижением «османского бренда», в значительной степени визуализированного в «большой османской мечети». Ее унифицированный образ стал восприниматься не столько как «отсылка» к эпохе могущества Османской империи, сколько как архитектурная эмблема всей исламской цивилизации [3, 92–93]. В таком значении появление очередной версии стамбульской

Шехзаде-джами было понятно, например, в 1990-е гг. на Северном Кавказе (Пятничная мечеть в Махачкале, 1997) или в республиках Центральной Азии (Азади в Ашхабаде, 1993–1998), но возведение неоосманской мечети-квадрифолия в ОАЭ, давно ставших полигоном для реализации авангардных архитектурных проектов, вызывает недоумение: здание мечети Аль-Нур в Шардже (2003–2005) воспринимается как музеефицированный исторический объект (Иллюстрация 11).

Говоря о формах современной мечети, Ш. М. Шукуров писал: «Когда во многих странах Ближнего Востока мы видим отчетливые следы этого (турецкого. — Е. К.) архитектурного стиля, в этом нет ничего странного, Османская империя внедряла свой архитектурный стиль. Россия никогда не была покорена Турцией, но тем не менее османский архитектурный стиль твердо закреплен в появляющихся мечетях» [23, 46]. Этот «стиль» проявляется не в тактичном архитектурном цитировании, а в полномасштабных репликах, заказчики которых, игнорируя возможности и прецеденты современной мусульманской архитектуры, с гордостью указывают на одни и те же оригиналы — Шехзаде-джами и Султан-ахмет-джами в Стамбуле, воспринимаемые как главные памятники всей исламской культуры. Этой отсылкой к наследию Синана оправдывается тиражирование композиции осевых полукуполов, основанной на планировочном квадрифолии, в Грозном (2008), Джалке (2011), в строящихся мечетях в Симферополе и Шали, в конкурсных проектах Центральной мечети в Магасе [21, 182] (Иллюстрации 12, 13).

Между тем постоянное воспроизведение одной и той же архитектурной композиции мечети, исторически связанной с конкретным регионом, не только является поводом для справедливой критики архитектуроведов, но и требует уточнения идеологических коннотаций, заложенных в данном типе памятников. Вопрос о причинах предпочтения «османизирующих» конкурсных проектов выходит за рамки уважения к высочайшим достижениям исламской культуры (к числу которых следует, очевидно, отнести разработку композиции-квадрифолия применительно к мечети) и безусловно должен решаться с осознанием ассоциируемых с той или иной архитектурной формой исторических процессов, национальных идей и политических претензий [22, 48–51, 407–413].

Заключение

Появление в османской культовой архитектуре плана-квадрифолия было предопределено эволюцией типа «большой османской мечети» с момента выделения полукуполов в михрабной части Фатих-джами. Развитие осевой симметрии привело к использованию двух полукуполов, а объединение ячеек боковых нефов и перекрытие их полукуполом — к логичному появлению плана-трифолия и затем квадрифолия. Одновременно с этим вне типа «большой османской мечети» в Восточной Анатолии уже существовали архитектурные композиции с четырьмя полукуполом. Появление памятников этого типа, композиция которых была основана на планах-квадрифолиях, явилось закономерным шагом, сделанным Синаном в Шехзаде-джами.

Основанная на квадрифолии симметричная композиция отражала ренессансные поиски идеального культового пространства, а размеры мечети Шехзаде и разработанная Синаном балдахинная система позволили его последователям сосредоточиться на развитии заложенных именно в этом памятнике возможностей. В результате «большая османская мечеть» развивалась почти исключительно в варианте полукупольного тетраконха.

Превращение «большой османской мечети» в визуальный бренд способствовало популярности и этой архитектурной модели, и прочно ассоциируемой с ней композиции квадрифолия как в современном турецком, так и в интернациональном исламском зодчестве, в том числе на территории России. Планировка мечети в виде квадрифолия воспринимается как реализация представлений об идеальном культовом пространстве, однако в ряде случаев требует уточнения риторики, заложенной в архитектурной форме.

Список использованной литературы

- 1 Стародуб Т. Х. Сокровища исламской архитектуры. — М.: Белый город, 2004. — 455 с.
- 2 Grabar O. The Meanings of Sinan's Architecture // Grabar O. Islamic Visual Culture, 1100–1800. Vol. II: Constructing the Study of Islamic Art. — Hampshire: Ashgate Publishing Limited, 2006. — P. 345–352.
- 3 Кононенко Е. И. «Большая османская мечеть» // Культура Востока. Вып. 3: «Визитные карточки» восточных культур. — М.: ГИИ, 2018. — С. 92–117.
- 4 Kiel M. The Quatrefoil plan in Ottoman Architecture Reconsidered in light of the «Fethiye Mosque» of Athens // Muqarnas: An Annual on Islamic Art and Architecture, 2002. Vol. XIX. — P. 109–122.
- 5 Kuran A. The mosque in early Ottoman architecture. — Chicago: University of Chicago Press, 1968. — 233 p.
- 6 Ибрагимов И. А. Особенности формирования средневековой культовой архитектуры христианства и ислама: ориентационный аспект // Академический вестник УралНИИпроект РААСН, 2009. № 3. — С. 67–72.
- 7 Kuban D. Ottoman Architecture. — Woodbridge: Antique Collector's Club, 2010. — 719 p.
- 8 Carneal S. P. Origins of imperial Ottoman architecture in Istanbul: a cross-cultural interpretation on the development of a new Classical tradition. — Louisville: University of Louisville, 2005. — 106 p.
- 9 Vogt-Göknıl U. Türkische Moscheen. — Zurich: Origo Verlag, 1953. — 136 s.
- 10 Goodwin G. A History of Ottoman Architecture. — London: Thames & Hudson, 2003 [1971]. — 511 p.
- 11 Tursun Bey. Tarih-i Ebu'l-Feth / ed. M. Tulum. — Istanbul: Fetih Publ., 1977. — 272 s.
- 12 Ozer B. The Architect of Domed Mosques as a Master of Pluralism // Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre, 1987. Vol. 1–2. — P. 146–149.
- 13 Цирес А. Искусство архитектуры. — М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1946. — 278 с.
- 14 Kuban D. The Style of Sinan's Domed Structures // Muqarnas: An Annual on Islamic Art and Architecture, 1987. Vol. IV. — P. 72–97.
- 15 Tompos E. Meaning of Tetraconch Churches in the Early Medieval European and Middle East Architecture in Particular in Caucasian Area and in Hungary // Atti del Quinto Simposio internazionale di arte armena: Venezia, Milano, Bologna, Firenze: 1988, 28 maggio – 5 giugno. — Venezia: S. Lazzaro, 1991. — P. 261–270.
- 16 Baş Y. Elbistan Alauddevle Bey camii (Camii Kebir, Ulu Cami) // Kahramanmaraş Sempozyumu (6–8 Mayıs 2004). C. I. — İstanbul, 2005. — S. 811–815.
- 17 Baş G. Diyarbakır'daki İslam Dönemi Mimarisinde Süsleme. — Van: Yüzüncü Yıl Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2006. — 511 s.
- 18 Ayverdi E. H. Osmanlı Mimarisinde Celebi ve II. Murad Devri. — İstanbul: İstanbul Fethi Cemiyeti, 1972. — 606 s.
- 19 Ванеян С. С. Пустующий трон. Критическое исследование Ханса Зедльмайра. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 416 с.

- 20 Al-Asad M. The Mosque of Muhammad Ali in Cairo // Muqarnas, 1992. Vol. IX. — P. 39–55.
- 21 Кононенко Е. И. Турецкая мечеть: между неоклассикой и не-классикой // Искусствознание, 2014. № 3–4. — С. 155–182.
- 22 Червонная С. М. Современная мечеть. Отечественный и мировой опыт Новейшего времени. — Торунь: Польск. ин-т исслед. мирового искусства, Тако, 2016. — 478 с.
- 23 Шукуров Ш. М. Архитектура современной мечети. Истоки. — М.: Прогресс-Традиция, 2014. — 232 с.
- 19 Vaneyan S. S. Pustuyushchij tron. Kriticheskoe iskusstvoznanie Hansa Zedl'majra. — М.: Progress-Tradiciya, 2004. — 416 s.
- 20 Al-Asad M. The Mosque of Muhammad Ali in Cairo // Muqarnas, 1992. Vol. IX. — P. 39–55.
- 21 Kononenko E. I. Tureckaya mechet': mezhdru neoklassikoj i ne-klassikoj // Iskusstvoznanie, 2014. № 3–4. — S. 155–182.
- 22 Chervonnaya S. M. Sovremennaya mechet'. Otechestvennyj i mirovoj opyt Novejshego vremeni. — Torun': Pol'sk. in-t issled. mirovogo iskusstva, Tako, 2016. — 478 s.
- 23 Shukurov Sh. M. Arhitektura sovremennoj mecheti. Istoki. — М.: Progress-Tradiciya, 2014. — 232 s.

Spisok ispol'zovannoj literatury

- 1 Starodub T. H. Sokrovishcha islamskoj arhitektury. — М.: Belyj gorod, 2004. — 455 s.
- 2 Grabar O. The Meanings of Sinan's Architecture // Grabar O. Islamic Visual Culture, 1100–1800. Vol. II: Constructing the Study of Islamic Art. — Hampshire: Ashgate Publishing Limited, 2006. — P. 345–352.
- 3 Kononenko E. I. «Bol'shaya osmanskaya mechet'» // Kul'tura Vostoka. Vyp. 3: «Vizitnye kartochki» vostochnyj kul'tur. — М.: GIL, 2018. — S. 92–117.
- 4 Kiel M. The Quatrefoil plan in Ottoman Architecture Reconsidered in light of the «Fethiye Mosque» of Athens // Muqarnas: An Annual on Islamic Art and Architecture, 2002. Vol. XIX. — P. 109–122.
- 5 Kuran A. The mosque in early Ottoman architecture. — Chicago: University of Chicago Press, 1968. — 233 p.
- 6 Ibragimov I. A. Osobennosti formirovaniya srednevekovoj kul'tovoj arhitektury hristianstva i islama: orientacionnyj aspekt // Akademicheskij vestnik UralNIiproekt RAASN, 2009. № 3. — S. 67–72.
- 7 Kuban D. Ottoman Architecture. — Woodbridge: Antique Collector's Club, 2010. — 719 p.
- 8 Carneal S. P. Origins of imperial Ottoman architecture in Istanbul: a cross-cultural interpretation on the development of a new Classical tradition. — Louisville: University of Louisville, 2005. — 106 r.
- 9 Vogt-Göknil U. Türkische Moscheen. — Zurich: Origo Verlag, 1953. — 136 s.
- 10 Goodwin G. A History of Ottoman Architecture. — London: Thames & Hudson, 2003 [1971]. — 511 p.
- 11 Tursun Bey. Tarih-i Ebu'l-Feth / ed. M. Tulum. — Istanbul: Fetih Publ., 1977. — 272 s.
- 12 Ozer B. The Architect of Domed Mosques as a Master of Pluralism // Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre, 1987. Vol. 1–2. — P. 146–149.
- 13 Cires A. Iskusstvo arhitektury. — М.: Izd-vo Akademii arhitektury SSSR, 1946. — 278 s.
- 14 Kuban D. The Style of Sinan's Domed Structures // Muqarnas: An Annual on Islamic Art and Architecture, 1987. Vol. IV. — P. 72–97.
- 15 Tompos E. Meaning of Tetraconch Churches in the Early Medieval European and Middle East Architecture in Particular in Caucasian Area and in Hungary // Atti del Quinto Simposio internazionale di arte armena: Venezia, Milano, Bologna, Firenze: 1988, 28 maggio — 5 giugno. — Venezia: S. Lazzaro, 1991. — R. 261–270.
- 16 Baş Y. Elbistan Alauddevle Bey camii (Camii Kebir, Ulu Cami) // Kahramanmaraş Sempozyumu (6–8 Mayıs 2004). C. I. — İstanbul, 2005. — S. 811–815.
- 17 Baş G. Diyarbakır'daki İslam Dönemi Mimarisinde Süsleme. — Van: Yüzüncü Yıl Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2006. — 511 s.
- 18 Ayverdi E. H. Osmanli Mimarisinde Celebi ve II. Murad Devri. — İstanbul: İstanbul Fetih Cemiyeti, 1972. — 606 s.

Kononenko E.

PhD (History of Art), the Head of Department of Asian and African Art State Institute for Art Studies